

АРХІВ АКАДЕМІКА А.М. ГРОДЗІНСЬКОГО

ГАГРЫ И КАРТОШКА¹

Поезд нырнул в тоннель, и проводник, медленно пробираясь с фонарем между узлов, чемоданов, корзин и спящих людей, громко объявил: "Старые Гагры".

— Нам здесь сходить, — говорит папа и аккуратно поправляет лямки уже одетого на плечи рюкзака.

Поезд еще больше замедляет ход, выползает из тоннеля и наконец останавливается. Прежде всего, я увидел горы — справа и слева, а между ними ущелье и бегущий по его дну ручей, через который на большой высоте перекинут мост с железнодорожными путями. Ручей достаточно бурный, вода, наткаясь на камни, образует водовороты и, недовольно урча, спешит к морю.

Я впервые вижу море так близко. Оно кажется огромным, необъятным. Тихое, спокойное и величавое, ему, кажется, ведомы никакие горести и печали, а белый парус вдали еще сильнее подчеркивает его величие и безмятежность. Я долго не отрываясь смотрел вдаль и только со временем обратил внимание на берег. Берег был усыпан небольшими домиками, покрытыми красной черепицей, а между ними буйствовала зелень. Особенно меня поразили кипарисы, стройные и безмятежные. Все вместе составляло картину мира и покоя.

Мы быстро выгрузились на перрон и мгновенно были окружены толпами мальчишек-греков с огромными корзинами за спиной. Толкаясь и переругиваясь на своем языке, они громко выкрикивали:

— Инжир! Инжир! Кому инжир? Мандарины! Персики! Абрикосы! Виноград! — со всех сторон неслись звонкие голоса.

¹ Мовою оригіналу. Публікацію підготував В.В. КВАША

Но прибывшим инжир и мандарины были не по карману, да к тому же все торопились. Все мы были эвакуированными из Кубани. Позади долгий путь и пешком, и на повозках, немного на автомобилях и, наконец, поездом. Дальше нам предстояло плыть морем.

Всем приехавшим предстояло перебраться на морвокзал, и папа, мама со мной отправились с частью вещей на его поиски, а остальные вещи поручили охранять Диме. Искать долго не пришлось: все оказалось рядом, ведь Гагры — небольшой городок, занимающий узкую полосу между морем и горами.

Мы перенесли остальной багаж, по пути любуюсь белоснежными на солнце зданьями санаториев и пансионатов. Устроились мы на своих нехитрых вещах под огромным платаном.

Папа тут же задымил трубкой, которую ему подарил наш бывший "спутник" Василий Васильевич Бузынный. Немного отдохнув, папа ушел узнавать, когда и как мы будем отправляться дальше. Нам уже говорили, что нас должны отправить катером.

Мама тоже ушла: ей предстояло отovarить карточки, а мы остались с Димой. Как не одолевала нас усталость и частая смена впечатлений, мы с интересом смотрели на город, который очень нас впечатлил.

— Вот это уже настоящий Кавказ, — сказал Дима, — а то, что мы видели — Пшада и даже Туапсе — только бледное подобие Кавказа. Даже Сочи не производят такого впечатления — стриженные деревья, асфальт. А тут такая дикая природа!

Мы удивлялись всему: взбиравшимся по горам домикам с такими уютными веранда-

ми. Домишки жались к горам, глядя в сторону моря своими нарядными фасадами. Они как бы дразнили море: вот как высоко мы забралась, а ну-ка, попробуй нас достать! Но море равнодушно к жалким домишкам, приклеенным к выступам скал и прятавшимся в зелени дубов, кизила и держи-деревя. Море весело посмеивалось кудрявыми барашками волн, которые спешили навстречу восходящему из-за гор солнцу. Теплый ласковый ветерок играл пестрыми флажками у причала, шептался с листвой и шуршал обрывками кем-то брошенной газеты, как будто пытаюсь прочесть буквоки-козьявки.

Мама вернулась с хлебом и осталась присматривать за вещами, а мы с Димой побежали к морю в надежде наловить бычков. Мне уже приходилось ловить бычков, но снастей у нас не было и мы прилегли на теплую гальку.

Папа принес неутешительные вести: катер будет лишь тогда, когда очистят баржу от картофеля, и будут отправлены лишь те, кто будет ее чистить. Мама решила чистить баржу, и я вызвался ей помочь. Желающих присоединиться к нам оказалось немного, хотя зал ожидания был битком набит эвакуированными и перед морвокзалом их тоже скопилось немало.

Люди сидели, понурились, иногда лишь покрикивали на резвившихся детей, которым все было нипочем и которые не унывали, чему не мешало бы поучиться взрослым. Конечно, переезды угнетающе действовали на людей, и многие подупали духом, хотя были обеспечены лучше нас, ведь для нашей семьи это был уже далеко не первый переезд, но мы как-то держались. Хотя иногда и нас угнетала мысль: "А не напрасны ли эти скитания?"

Мама пробовала сколотить компанию для очистки баржи, но все было напрасно. Она пыталась убеждать, что, очистив баржу, мы сможем продолжить наш путь.

— А не все ли равно, сидеть или куда-то ехать? — возражала маме женщина, почему-то показавшаяся мне дояркой.

— Нет теперь у нас дома. Никто нас нигде не ждет.

— Послушай, голубушка, как это тебе некуда ехать? — вмешался вдруг подошедший мужчина с черными густыми волосами и карими глазами на энергичном и несколько плутоватом лице.

— Что ж ты ждешь, что моряки тебе почистят баржу, нежно усадят и повезут?

Он немного горячился, размахивая левой рукой и тут многие заметили, что правой руки у него нет.

— Где, по-твоему, сейчас моряки? — продолжал моряк напирать на женщину. — Они все в Новороссийске! Они там за тебя кровь проливают! — уже совсем серьезно разгорячился он. — А ты ленишься помочь чистить баржу.

Женщина пыталась возражать и даже закричала:

— А ты почему не на фронте? — но вдруг осеклась, увидев, что у моряка пустой рукав. Она резко поднялась и уже спокойно ответила: "Я тоже не лентяйка. Я до войны в колхозе..." — и, не закончив мысль, бойко обратилась ко всем: "А ну, кто со мной?"

На ее призыв откликнулись многие, и группа численностью более полусотни человек потянулась за ней к начальнику порта, чтобы немедленно взяться за разгрузку баржи.

— Вот это дело, — сказал однорукий, ловко набивая левой рукой трубку табаком и, добыв из кармана коробок со спичками, виртуозно чиркнул одной из них, зажег трубку и мирно обратился к маме:

— А вы откуда едете?

Мама кивнула в сторону папы и Димы, сидевших в тени под платаном, и кратко поведала моряку о наших скитаниях. Однорукий поднялся и промолвил:

— Пойду познакомлюсь с вашим мужем, ведь нам дальше ехать вместе.

Мы с мамой присоединились к эвакуированным, первые из которых уже садились в шлюпки, так как баржа стояла в море, в двухстах метрах от берега. Мне немного было боязно в шлюпке, когда она резко наклонилась, а я представлял, какая под ней глу-

бина. Но шлюпки спокойно причалили к катеру, и женщины с визгом стали перебираться на его палубу. Молоденький матрос с непокорным русым чубом посмеивался, глядя как неуклюже карабкаются на палубу женщины, и для куражу немного раскачивал шлюпку.

Мне стало стыдно за свой страх и, хотя я его ничем не выдал, теперь уже смело шагнул на палубу катера. Маму поразила сверкающая чистота недавно вымытой палубы и блеск латунных деталей. А меня заинтересовал верхний мостик, где разместилась пулеметная установка, но пожилой моряк в синей тужурке строго меня остановил:

— Не лезь куда не следует!

Тем временем все перебрались по трапу с катера на баржу, где было очень грязно, а из ее глубин шел неприятный запах. Громадные люки обнажили внутренность трюма, на дне которого осталась уже пустившая ростки картошка, к тому же гниющая. Вот ее-то и предстояло нам убрать.

Пожилой матрос в тужурке принес лопаты, ведра и метлы. Он важно раздал их женщинам, расставил всех по местам и объяснил каждому задание. Сам же с помощью стрелы стал поднимать и укладывать балки, которыми закрывались люки. Я наблюдал за его уверенными действиями и, заметив, что моряку приходится трудно, вызвался помочь.

— Дядя, а можно, я вам помогу?

Матрос глянул на меня из-под лохматых бровей и промолвил:

— Попробуй! А ну, давай, трави! Выпускай, значит! Стоп!

Дело пошло гораздо быстрее, и вскоре один люк был уже закрыт. Мы принялись закрывать другой. Моряк объяснял названия разных балок, болтов и прочего и для меня было удивительно, что на море все называется иначе и сложнее, чем на суше. Когда мы принялись закрывать второй люк, женщины подняли шум:

— Вы что, нас удушить хотите? — воздух в трюме, действительно, был не из приятных.

— Хорошо, заканчивайте поживей, — мирно молвил старый моряк и стал сворачивать самокрутку. Он замолчал, и мне неловко было его о чем-либо спрашивать, но вдруг он ни к кому не обращаясь, произнес:

— У меня внучек, как ты... Там... — моряк неопределенно махнул рукой и снова надолго замолчал.

Женщины тем временем закончили работу и стали выбираться из душного трюма. Теперь они уже смеялись и шутили: окончание малоприятной работы для всех было радостью.

— Спасибо морячкам, — весело бросила бойкая женщина-предводительница. — Помялись маленько, а то руки от безделья чесались!

Она как-то по-новому взглянула своими большими глазами на море, на виднеющиеся горы и рассмеялась, посмотрев на свои грязные до локтей руки.

— А что, девки? Неужто нам в СССР места не найдется? Неужели вот для них, — она потрясла в воздухе руками, — дела не найдется? — она совсем счастливо засмеялась и грязной рукой провела по щеке своей товарки.

— Поедем, наконец, Надь? Ну, не хмурься, бежим умываться!

Все погрузились в шлюпки и дружно запели песню. Ту самую, которую недавно пели в поезде. Песня была про широкое поле, колосющуюся рожь, что совсем не соответствовало обстановке. Но в эту минуту об этом никто не думал, ибо песня вернула всем хоть на мгновение ощущение радости жизни...

ФОСФОРИТЫ

Холодной и, казалось, нескончаемой для семьи Гродзинских была зима 1942—1943 годов, которую они провели в Алма-Ате.

...Особенно мороз крепчал к рассвету, и все вокруг как будто окаменевало. Неподвижными стояли в инее карагачи на Карагалинском шоссе, высокие телеграфные столбы, грязные саманные под камышом бараки рабочего поселка Казахского института земледелия — КИЗа, как его все называли в поселке. Казалось, даже воздух зас-

тыл, и едкий кизячный дым поднимался в небо высокими вертикальными столбами и уже где-то там высоко-высоко растворялся в темном небе.

От низкого рева гудка топливного завода воздух вздрагивает и как будто слегка колышется. Это значит — шесть утра. Мама, уже растопившая печку, будит старшего сына Андрея, которому к семи часам надо растопить печь в лаборатории КИЗа. Коптилка бросает неровный, колеблющийся свет на спящих. Их двое — отец Михаил Карпович и младший брат Андрея — Дима, расположившихся прямо на полу. Лицо мамы очень исхудало за последнее время, а в бликах копилки оно кажется еще более изможденным. Вера Филипповна топит печку соломой, и нагреть кастрюлю с водой стоит ей большого труда. Дров не было, и для топлива всей семьей собирали полынь.

Андрей поднимается нехотя — не хочется покидать теплую постель, казавшуюся такой уютной, даже несмотря на обилие всевозможных паразитов.

— Пошевеливайся, сынок, а то опоздаешь, — торопит мама и напоминает, что Андрею еще предстоит принести воды, чтобы сварить обед.

Ласковая просьба мамы расшевелила Андрея, и он энергично стал натягивать стоптанные брезентовые сапоги, после чего одел старенькое пальто и любимую лохматую шапку. Совсем бодро он взял ведро и, заглянув в кастрюлю, в свою очередь, поторопил маму:

— Вода закипает, пора засыпать.

Вера Филипповна отмеряет полстакана самодельной ячневой крупы и высыпает ее в кипяток. Это "варево" и есть завтрак для семьи. В него опускают пару уже неоднократно использованных лавровых листков и добавляют ложечку масла или топленого жира. Когда суп готов, мама зовет отца и младшего сына, которые давно уже не спали и даже давали свои советы по приготовлению нехитрого блюда.

Андрей выскакивает из комнаты, далеко не теплой, и окунается в настоящий холод.

Чтобы согреться, он рысью, гремя ведрами, бежит по кукурузному полю, где еще остался урожай прошлого года. Во многих бараках уже светятся тусклые окошки, а из печных труб во всю валит разноцветный дым. По его окраске можно определить вид топлива, и для Андрея это стало интересным занятием во время утреннего похода за водой.

Но вот очередные хлопоты: колонка не работает — замерзла и воду приходится черпать из колодца. Над колодцем поднимается пар, а капли воды, попав на одежду, сразу же превращаются в бусинки льда. Мороз сегодня как никогда. "Хорошо, что вчера запаслись водой", — думает про себя Андрей. Он — кубовщик в институте и в его обязанности входит растапливать перегонный куб и поддерживать под ним в течение дня огонь. Наполнение куба водой — тоже его обязанность. На улице еще совсем темно и только над причудливыми громадами Тянь-Шаня появилась светлая полоска. Андрей любит суровую красоту гор, его они завораживают, но времени на любованье мало, и он спешит домой. Вернувшись с полными ведрами, он с удовольствием умывается холодной водой и уже совсем бодро собирается в институт. Отец и Дима — "факеты", как их называет мама, — тоже уже на ногах. Мама устанавливает на коленях Михаила Карповича широкую доску, заменяющую стол, и разливает приготовленное "блюдо" в выпарительные чашки, заменявшие тарелки. Отец тщательно нарезает четыре ломтика хлеба, и все дружно завтракают, как можно дольше продлевая это удовольствие, поедая даже такое нехитрое блюдо.

— Ну, сынок, тебе пора, — обращается мама к Андрею и, едва сдерживая слезы, продолжает. — Возьми себе второй завтрак, а днем я к тебе загляну.

Андрей натягивает пальтишко, надевает свою лохматую шапку и кладет в карман так называемый второй завтрак, состоящий из ломтика хлеба и луковицы либо из нескольких карамелек. Он выходит из дому

и, сделав несколько шагов, съедает второй завтрак. Что поделаешь, растущий организм требует, а сделать это при родителях он не может, чтобы их не огорчать. Так повторяется каждое утро...

Солнце еще не поднялось, только светлая полоса над суровыми и четкими очертаниями Тянь-Шаня становилась все шире, розовела и ближе к семи часам приобретала пурпурно-огненную окраску. Этот цвет напоминал Андрею разлитый по заснеженным горам вишневым сок. Картина непередаваемо красивая, завораживающая и, если бы не жуткий холод, можно было бы любоваться ею до бесконечности долго.

Андрей приходил в лабораторию первым, задолго до прихода сотрудников института. Только тетка Марфа, истопница, сидела уже перед голландской печкой и сушила свои продырявленные валенки. Андрей вежливо поздоровался с ней и спустился в помещение кубовой, которая находилась в полуподвале. Спичек у него не было, и он поднялся снова наверх с лопаткой и кочергой, чтобы взять для растопки горящих углей.

Поднимался тихо, ему не хотелось будить тетку Марфу, чтобы не слушать ее ворчания, но тяжелая дверца печки открывалась с трудом и возня с ней все-таки разбудила истопницу, та, шлепая старенькими калошами, подошла к Андрею, ворча и обещая пожаловаться на него начальству. Андрей все же успел набрать угольков и, спустившись в кубовую, плотно закрыл за собой дверь.

Для топки котла в кубовой лежал запас саксаула, который вызывал у Андрея большой интерес своим своеобразием и даже загадочностью, а именно — возможностью произрастать в невероятных условиях пустыни. "Вот загадка природы", — думал Андрей. Дрова этого дерева дают много жару, и вода в кубе закипает очень быстро. Присев на низенький табурет, Андрей наблюдал, как жарко горит саксаул, как языки пламени лижут черное от копоти дно котла. В перегонном кубе уже слышалось урчание и

клокотание, тонкой струйкой из змеевика побежал дистиллят, стекавший в большую стеклянную бутылку. Сила звуков зависела от силы пламени, и Андрею это казалось своеобразной музыкой. Вода, охлаждающая змеевик, вскоре нагрелась, и над ней стал клубиться пар. Это означало, что надо слить нагретую воду и заменить ее холодной, которую Андрей запасал заранее, наполняя огромную металлическую емкость.

Снова появилась минута для отдыха и мечтаний. Андрей в мечтах чаще всего видел себя геологом. Жизнь геолога-разведчика полна опасностей и неожиданностей, и это его привлекало в данной профессии. В мечтах он видел, как находит доселе неразведанное месторождение чего-то очень нужного и важного для людей. Он возвращается домой со славой и становится очень нужным и уважаемым человеком. Иногда он думал об изобретении оружия, которое поможет его стране одолеть коварных врагов. Его лично благодарит Сталин в Кремле, и это слышат все народы огромной страны — Советского Союза.

Но чаще всего он думает о маме, которая в продырявленных резиновых ботинках бегает по таким неприветливым улицам чужого города, думает об отце, часто болеющем и вынужденном оставаться в холодной и сырой комнате, о братике Димке, чаще всего сидящим у печки, укрывшись стареньким пальтишком. Всех очень жалко. Как облегчить их жизнь? Работая кубовщиком, Андрей получает всего 150 рублей, сумму небольшую, скорее даже ничтожную. Иногда он получает дополнительно немного конины и кукурузы. Для семьи этого мало.

Но вот рабочий день закончен, и Андрей ищет возможность наколоть кому-то из сотрудников дров и за эту услугу получить продукты — иногда свеклу, иногда картошку. Но такое случается не часто, да и оплата не больно щедрая — сотрудники сами живут небогато, а многие голодают.

Пока Андрей предавался мечтам и раздумьям, вошел Грабаров, заведующий ла-

бораторией. Это был мужчина среднего роста, с исхудавшим бледным лицом. Одет он был в доху, которая была ему явно не по размеру, на ногах — большие валенки. Из-за поднятого воротника шубы заодно торчит нос и блестят небольшие карие глаза. С ним — Червяков, завхоз, человек малопривлекательный. Всю зиму он ходит в старом картузике и выдавшем виды пальто. Рысью бегают он из дому в канцелярию, топая ногами и немилосердно растирая уши и нос. Бесцветные глаза завхоза в постоянном движении, бегают с предмета на предмет, а язык не умолкает. Червяков говорит на непонятном языке, употребляя множество исковерканных украинских слов. "Пренеприятнейший тип", — определил его Михаил Карпович, узнав, что у Червякова есть и добротная шапка-ушанка, и теплое зимнее пальто, но тот зачем-то бережет их, вызывая этим недоумение окружающих.

— Андрюша, — ласково обращается к подростку Грабаров, — у меня к тебе важное дело.

И он стал рассказывать о своей работе, о том, что страна нуждается в хороших удобрениях для полей, и его лаборатория будет проводить опыты по использованию каратауских фосфоритов в качестве удобрений, а рабочих рук не хватает.

— Нам предоставили две тонны фосфоритов, но их необходимо измельчить до мелкого щебня. Если ты возьмешься за это дело, то окажешь большую помощь, а институт заплатит тебе дополнительно за эту работу.

Гости ушли, а Андрей размышлял: он получит продуктов на 200 рублей по государственной цене! Это будет большая помощь для семьи, которая терпит такую нужду. А своим участием в опытах он принесет пользу своему государству!

К работе приступил немедленно: для начала стал перетаскивать камни фосфорита из коридора первого этажа в кубовую, где была установлена наковальня. На перенос двух тонн ушло два дня. Андрей загружал желто-серые камни в мешок и на плечах

переносил их в полуподвал. Теперь он не спешил домой, тратя на перенос камней и свое нерабочее время. Камни были разные: одни ему легко удавалось дробить молотком, но попадались и такие, которые надо было сначала раскалывать на части тяжелым ломом.

Андрей трудился до темноты и приходил на работу даже в воскресенье. Руки покрылись ссадинами и кровоподтеками, но это не останавливало Андрея, он упорно дробил желто-серые камни минерала. Он думал о том, как трудно сейчас на фронте и это будет его посильная помощь. Он ловил по радио каждую весточку с фронта и, если она была радостной, думал: "Ну, вот и я что-то сделал полезное для наших бойцов".

Постепенно он втянулся в работу и даже полюбил ее. Этому способствовало то, что любые камни, минералы его привлекали с самого раннего детства. Андрей любил возиться с ними и мог часами рассматривать их, ведь его заветная мечта — стать геологом. Это было так давно в родной, но такой нынче далекой Белой Церкви. Война вынудила оставить дорогие ему коллекции, их описания, но помнил он об этом всегда. Память о коллекциях освежали два крохотных камешка топаза и корунда, случайно оставшиеся в карманах курточки, когда они покидали свои родные места. Интерес к минералам не угасал, и Андрей часто приставал с вопросами к сотрудникам Института и особенно к Грабарову, а те, в свою очередь, удивлялись эрудиции подростка.

Работа постепенно подходила к завершению, и вот наступил день, когда Андрей вынес из подвала последнюю крошку, тщательно подмел пол и доложил Грабарову об окончании работы.

— Ну, теперь мы отправим щебень на шаровую мельницу, — ответил тот, — получим фосфоритную муку, а весной заложим полевые опыты.

"Вот и моя частичка труда влилась в это нужное дело", — гордо подумал Андрей, и эта мысль согрела ему душу, ему стало радостнее жить. Он почувствовал прилив но-

вых сил, стал намного общительнее, его замкнутость постепенно проходила. Теперь утром он бодро вскакивал с постели и без лишних напоминаний бежал за водой. Он стал увереннее в себе и еще больше стал заботиться о своих родных: рубил дрова, если его об этом просили, помогал соседям запастись водой и охотно выполнял любые просьбы.

Ему очень не хотелось напоминать об обещанной оплате его труда, но семья так нуждалась, что он решил напомнить о причитающемся ему вознаграждении. Заместитель директора института по хозяйству ошарашил его своим ответом:

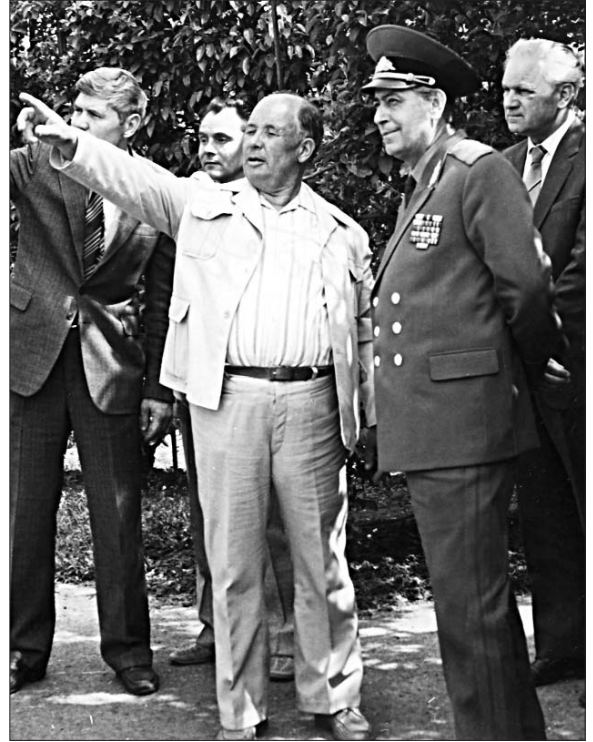
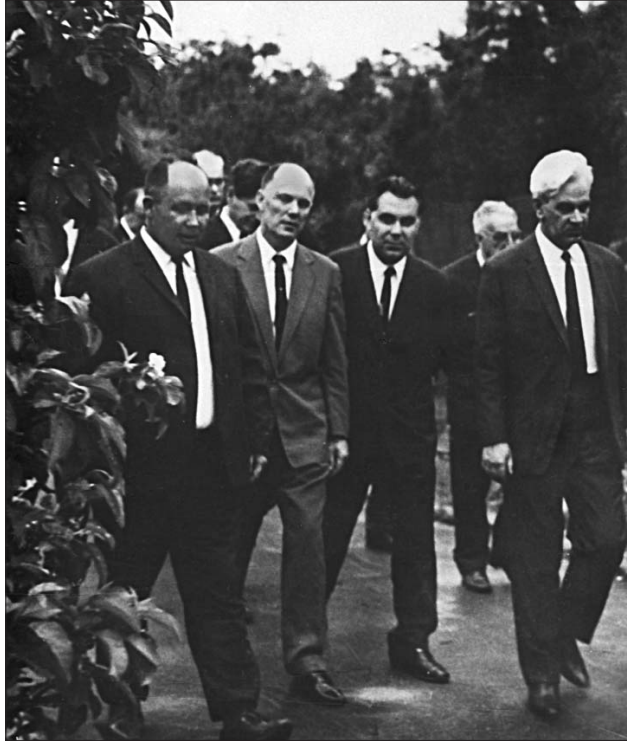
— Я тебя не нанимал, проваливай к своему Грабарову, и пусть он тебе платит. Где это видано — двести рублей за две тонны камня? — он открыл какую-то книгу и продолжил. — Вот гляди, тебе причитается 24 рубля 30 копеек.

Удар был неожиданным, и Андрей, не взяв этих денег, ушел поникший, решив никому не жаловаться. Но Грабаров сам спро-

сил, как его рассчитали и, узнав результат, устроил скандал в кабинете завхоза. После этого Андрей получил 45 рублей и 5 килограммов зерна кукурузы. Так жизнь преподавателя принесла первый суровый урок...

Тем временем зима потихоньку отступала. Мороз еще давал о себе знать, особенно до рассвета, и у водозаборной колонки по-прежнему клубился густой пар, и хрустел под ногами снег. Но с появлением солнца снег понемногу таял, и после окончания своей смены Андрей любовался струящимися ручейками талой воды и проталинами, появлявшимися на полях. Но как только солнце уходило за горы, холод снова брал свое.

Борьба зимы и весны все больше склонялась в пользу весны, и вот, наконец, весна заиграла всеми своими красками. Все радовались приходу весны: мама, отец, Андрей и Дима. Все заметно повеселели: весна возвращала их к жизни и приближала отъезд на запад. Там они будут намного полезнее для своей страны...

*Серед природи
і в лабораторії*

